

ОБРАЗ УЧЕНОГО В КАЗАХСКОЙ ЭТИКЕ*

¹Азербайев Аслан Дыбысбекович, ²Карибайев Олжас

¹azerbayev_ad1986@mail.ru, ²ol1188zhas@mail.ru

¹Торайгыров Университет (Павлодар, Казахстан)

²Казахский национальный педагогический университет
им. Абая (Алматы Казахстан)

¹Azerbayev Aslan, ²Karibayev Olzhas

¹azerbayev_ad1986@mail.ru, ²ol1188zhas@mail.ru

¹Toraighyrov University (Pavlodar, Kazakhstan)

²Abai Kazakh National Pedagogical University (Almaty Kazakhstan)

Аннотация. В данной статье рассматривается вопрос: «Каким должен быть ученый?». Казахская этическая мысль выявляет основные черты образа ученого. Единство «хорошего нрава и силы ума» аль-Фараби, подчиненность интеллекта сердцу согласно воззрениям Абая, «высшая нравственность» Алихана Букейханова, наука совести Шакарима Кудайбердиева формируют нравственный облик ученого. Концепция Абая «толық адам» составляет этическую основу становления личности ученого, проявившаяся в деятелях движения Алаш и их преемнике Каныше Сатпаеве.

Ключевые слова: ученый, наука, просвещение, совесть, нравственность, образование.

Введение

Тюрко-мусульманская (казахская) этика нацеливалась на изменение социума посредством просвещения. Растолкование, что есть свет и тьма, добродетель и невежество составляет основную плоскость. Онтологическая сторона раскрывается тем, что справедливое, нравственное существование – исполнение основополагающего завета мироздания. Незнание и нежелание знать общечеловеческую истину называется невежеством, что есть источник всякого зла.

Ссылаясь на аргумент, что наследие аль-Фараби является фундаментом и началом тюрко-мусульманской этики, авторами данных строк в предыдущих публикациях с целью выявления духовной связи соотносились трактаты Аристотеля Востока со словами назидания Абая Кунанбаева, взглядами Исмаила Гаспринского, политической этикой Алихана Букейханова, отчасти с творчеством поэта и мыслителя Султанмахмута Торайгырова. Ввиду этого, в данной статье также фрагментарно раскрывается проблема нравственной функции науки как черты казахской этики.

Абу Наср аль-Фараби обозначил достижение человеческого и общественного идеала, построение идеального государства развитием интеллектуальных и этических добродетелей, то есть просвещением. Классификация

* Статья подготовлена в рамках проекта грантового финансирования AP19677167 «Проблемы духовного формирования личности в условиях целостного реформатирования общества»

наук, разработанная мыслителем, представляет необходимую совокупность знаний для достижения добродетельного мировоззрения. Тем самым идея «добродетельного города» может соотноситься с концепцией Абая «толық адам» как всесторонне образованной и нравственной личности.

Из анализа трудов обоих мыслителей выявляется многофункциональность науки и интегрированность наук. Во-первых, наука как открытие закономерностей. Во-вторых, как осмысление мира и действительности. В-третьих, наука имеет просветительско-воспитательное значение.

Исходя из вышесказанного, ученый играет роль просветителя. Ввиду того, что изначально в античной Греции все науки вышли из лона философии, к тому же восточная интерпретация присовокупляет и воспитательную функцию, выходит, что ученый является и носителем определенной философии, морали.

Фридрих Ницше, напротив, разделил понятие философа и ученого. Декларировать философия – «это исповедь ее автора, нечто вроде невольных и бессознательных мемуаров» [1, с. 562]. И все доводы философа априори субъективны, им движет не «побуждение к познанию», а собственная мораль. В то время как в трудах ученого есть «нечто вроде побуждения к познанию». Как писал Ф. Ницше, «Собственно «интересы» ученого находятся обыкновенно совсем в ином месте – в семье, в заработке или в политике, почти безразлично, к какой части науки приставлен его маленький механизм и выработает ли из себя «обещающий» молодой работник хорошего филолога или химика, – его не определяет то, что он делается тем или другим» [1, с. 563]. Столь малообещающее, посредственное описание ученого объясняется прецедентами времени и моралью, собственно, самого Ф. Ницше, с его критикой окружающей общественной действительности и призыванием к изменению нравов.

Аль-Фараби и Абай, распекая невежество, искали благообразия и возлагали надежды на добродетельного человека. Абай считал, что личность ученого должна быть олицетворением совести и провозвестником добродетели (вне зависимости от сферы исследования и поля деятельности). В связи с этим в данной статье особо заостряется внимание на образе ученого в изложении Абая. Мыслитель отвечает на вопрос: «Каким должен быть ученый?». Данный вопрос чрезвычайно актуален и архиважен, поскольку состояние науки и образования является ключевым индикатором становления и развития государства.

Прагматичность и утилитарность как категории науки безусловны. Фактическая результативность научных изысканий – главный императив.

Рыночные отношения детерминировали такой тренд, как коммерциализация науки. Рейтинговые критерии вузов, индексы цитируемости научных журналов, полиязычие исследователей и преподавателей университетов составляют тенденции современной науки. Глобализация и рынок предъявили соответствующие запросы к науке как социальному институту.

Однако в свете последних глобальных событий, не уместяемых в рамки здравого смысла (боевые действия с применением модернизированного вооружения и др.), к месту заявить, что ученым никак нельзя находиться «по ту сторону добра и зла».

Методология

Генетический метод позволяет выявлять историческую связь категорий и понятий духовной культуры в хронологической последовательности. Историко-философский метод, при котором раскрываются исторические предпосылки становления личности мыслителя, вкупе со сравнительным анализом текстов мыслителей, дает возможность определить основные черты казахской этики в характеристике образа ученого.

Нравственная миссия ученого

В казахской этической мысли изучение наук как коренной фактор социального преобразования затрагивает проблему мировоззрения. Помимо объяснения человеческого физиологического существования, окружающей среды, устройства вселенной посредством естествознания, разъяснения индустриального мира техническими науками, вопросы «что такое человек?», «какой должна быть добродетель?» остаются центральными.

Казахские просветители, поэты, писатели, мыслители, деятели движения Алаш, осознавая неизбежность модернизации в условиях колониальности, были озадачены сохранением национальной духовно-нравственной природы народа. Тенгрианско-исламская духовность, кочевой быт тысячами формировали уникальную культуру казахскогономада. Модернизация по образцу политического доминанта вполне могла вытравить весь национальный субстрат, превратив казаха в посредственную, безликую копию европейской модели с вычурно выделяющимся российским полуфеодалным ханжески подавляющим и принижающим налётом.

В связи с вышеизложенным, согласно казахской этике понятие ученого вбирает в себя интеллектуальную, нравственную и истинно патриотическую личность, что именуется казахским интеллигентом. Исследования такого ученого всегда соотносятся с этическими категориями и заданы целью принести пользу родному народу. Осознанная личная ответственность ученого перед нацией является первостепенным мотивом в научных изысканиях.

Руководствуясь при рассмотрении казахской духовной культуры в хронологической последовательности, уместно упомянуть о трех концептах: колониальности, постколониальности и деколониальности [2, с. 27]. Деятельность членов движения Алаш направлялась в русло исторического процесса деколонизации. И их научные труды обуславливались желанием пробудить чувство национального достоинства. В связи с этим в наши дни в состоянии постколониальности нравственная, патриотическая миссия ученого также представляет острую актуальность.

Как писал Абу Наср аль-Фараби, «Если они оба [хороший нрав и сила ума] имеют место, то мы получаем превосходство и совершенство в нас самих и в наших действиях, и благодаря им обоим мы становимся благородными, благими и добродетельными: наш образ жизни становится добродетельным, а наше поведение – похвальным» [3, с. 11]. Этот же тезис проявляется и в 17

Слове Абая. Казахский мыслитель подчиняет разум, то есть рациональное мышление, сердцу как символическому обозначению нравственности.

Единство «хорошего нрава и силы ума», что проявилось в благородстве и добродетельности казахских деятелей начала XX века, направление ими приобретенного европейского образования на выполнение нравственной миссии просвещения народа доказывает воплощение образа добродетельного человека аль-Фараби и концепции «толықадам» Абая.

Вполне может возникнуть вопрос «ознакомлены ли были алашевцы с учением аль-Фараби?». На что следует ответить, что, вполне очевидно, поскольку активный деятель партии Алаш и правительства Алаш-Орды Магжан Жумабаев в стихотворении «Туркестан» писал:

«Я горжусь, что тюркам потомок родной!
С мудрецом Авиценной я крови одной!
Кладезь мудрости тайной, и врач, и поэт!
Был ли в мире еще Авиценна такой?
О, Туран! Сколько в музыке нашей добра!
В девять струн Фараби зазвенела домбра, –
Щеки жаром горят и трепещут сердца,
Слезы брызнут из глаз – вот такая игра!» [4, с. 201].

Данные строки являются свидетельством того, что Магжан Жумабаев был осведомлен даже об учении о музыке аль-Фараби, о его последователе Ибн-Сине, и, наверняка, общие черты идеи добродетельного города также были ему известны.

Но также стоит сказать, что сходство наследия аль-Фараби и Абая определяется духовной, ментальной средой тюркского кочевого мира, в котором нравственные нормы имели онтологическое значение. Гармония Вселенной, божественно-вселенский круговорот природы и цикличность жизни кочевников, обусловленность жизненных законов тюрков вселенско-природными закономерностями характеризуют незыблемость нравственных человеческих основ и любопытные попытки объяснения тайн бытия. Отсутствие жестких религиозных рамок, запретов, давления деспотического государственного аппарата не ограничивали сознание тюркского кочевника. Бесконечный горизонт влек номада к неизведанному, а единение с природой задавали соответствующий дух познанию как человека Вселенной.

Исходя из особенностей мировоззрения, выпестованных идей для народа и человечества, можно предположить, что просвещение в казахской этике представляется, помимо научной картины мира, утверждением нравственной сущности человека и планетарной гражданственности. Тривиальный постулат о том, что «все люди братья» и жизнь каждого человека независимо от расы, национальности и конфессии, политических взглядов и партийной принадлежности является высшей ценностью, в XX веке соблюдался далеко не всеми государствами.

Соответственно, лидеры движения Алаш, следуя заветам Абая, выбрали просвещение как основной путь борьбы с российским самодержавием. Взыванием к здравому смыслу, мудрости и чести они пытались убедить царское правительство, которое было глухо к демократии и гуманизму.

На Западе, где век просвещения прошел еще в XVIII столетии, бушевали ужасающе кровопролитные войны, повод для которых находился каждым государством-участником.

Нельзя и упускать из виду насколько суров был мир западного капитализма. Промышленный переворот образовал непроходимую пропасть между буржуазией и пролетариатом. Нечеловечески бедственное состояние последнего в реальных красках описано Ф. Энгельсом в труде «Положение рабочего класса в Англии» [5]. В связи с этим во второй половине XIX века социализм получил солидную теоретическую базу.

Однако для казахских мыслителей немислимы ни война между Антантой и Тройственным союзом, ни противоборство левых и правых, и тем более безрассуден террор эсеров. Вроде бы просвещенный, культурно и научно развитый Запад, индустрия которого придавала экономическую и военную мощь, пропагандировал эгоистический индивидуализм, проявлявшийся как в межличностном, межклассовом, так и международном отношениях.

Относительно осмысления Запада обратимся вновь к Магжану Жумабаеву.

«Все исчадьде заката
Громом бойни объято,
Разум там позабыт.
Запад, полный дерзания,
Богом сделавший знания,
Знаньем этим убит» [4, с. 61].

Науки, технический прогресс, экономическое процветание делали Запад первенствующим и возвышающимся над Востоком. Но социальные раздоры и жадность до власти между политическими блоками могли быть преодолены иной философией, восточной, добродетельной. На это и указывал Исмаил Гаспринский в художественном романе «Французские письма» (1887) [6], что необходимо совместить технологии Запада и подлинную тюрко-исламскую нравственность.

Но, прежде чем учить Запад восточной мудрости следовало бы самим казахам в социальном плане достичь европейского уровня. Как писал казахский просветитель, ученый-лингвист Ахмет Байтурсынов, «Біз болысымыз басқа жұрттың болысындай елді баға алмайтын мінін айтып жатырмыз, билерімізді судьядай әділдік жоқ мінін айтып жатырмыз, дәрігерлеріміз, бақсыларымыз доктордай ауруды емдей алмайтын мінін айтып жатырмыз – халқымыздың басқа жұрттай білімді емес, надандық мінін де айтып жатырмыз» [7, с. 252]. С просветителем, бесспорно, надо согласиться. Волостная организация, судебная система, врачи кочевников не могли и сравниться с показателями и стандартами европейских народов. По этой причине ученый видит начало развития с образования («Неге десек, болыстық та, билік те, халықтық та оқумен түзеледі») [7, с. 252]. Только Ахмет Байтурсынов подразумевал не только совокупность общеобразовательных дисциплин, но и нравственное образование.

Определенно, какое угодно социальное новшество, затрагивающее ментальное состояние, вызывает противление масс. Оттого и во все времена про-

роки, несущие новое слово и идею, изначально подвергались гонениям и преследованиям. Непомерно сложно и тяжело убедить коллектив людей (народ, государство) в смене стереотипов, закостенелых установок, сформировавшихся в силу сугубо бытовых условий и нарушающих нормы элементарной справедливости. Как обычно привычные авторитеты и предпочтения преодолевают здравый смысл. Что может быть сложнее убедить людей жить иначе, а не так как они привыкли? По этому поводу великий Абай в 1890 году и начал первое Слово следующими излияниями души: «Попытаться облегчить страдания народа? Невозможно. Народ неуправляем. На это идет только тот, кому судьбой уготованы людская неблагодарность и проклятия, или молодежь, чье сердце горячо и не изведало еще горечи поражений» [8, с. 5].

Не случайно Абай в поэме «Масгуд» описал безудержно тупую силу толпы (масс), не внимающую разуму и рассудку. Сумасшедшая толпа заставила под угрозой расправы сойти с ума разумных людей, поскольку масса воспринимает только себе подобных и подчиняется только соответствующим ее духу. Массы ладят и слушают только людей их склада мышления и культуры.

«И налили кружки водой дождевой

И безумие разделили с толпой.

Теперь, когда стали глупцами они,

Каждый славил их мудрость под крик и вой» [9, с. 302].

Массы зачастую управляются либо сладостными увещеваниями им же подобных, либо давлением. В то время как Абай и его почитатели выбрали путь просвещения, побуждения к преобразованиям путем убеждения и разъяснений.

В 1913 году Ахмет Байтурсынов также оставил следующие строки: «Бұл күндегі үлкендердің көбі біздің жаңалық ісімізді жатырқап, жаңалық пікірімізді түсінбей, айтқанымызды тындамай, істегенімізге қосылмай отыр» [7, с. 252]. Поскольку старшее поколение никак не восприимчиво к новым идеям, Байтурсынов возлагает надежды на молодежь, «халық түзелуінің үміті жастарда». Оттого просветитель предлагает начать преобразования с образования детей: «...әуелі біз елді түзеуді бала оқыту ізін түзеуден бастауымыз керек» [7, с. 252].

Тем самым ученый выступает в роли исследователя, просветителя и наставника для молодежи. Общий, разносторонний интеллектуальный потенциал, профессионализм, широкие исследовательские навыки и непоколебимая совесть, наставничество подрастающему поколению – составляющие образа ученого.

Онтологическое единство «хорошего нрава и силы ума» аль-Фараби, утверждение Абая о подчиненности рациональности, интеллекта совести присутствует в высказывании Алихана Букейханова о том, что «высшая нравственность» присуща только всестороннему образованию. Данная мысль запечатлелась в его сочинении при поступлении Санкт-Петербургский Лесной институт летом 1890 года [10, с. 283]. Продолжатель идей Абая, казахский мыслитель Шакарим Кудайбердиев вовсе «считал, что необходима система научных знаний о Совести, наука Совести» [11, с. 5].

Вероятно, кто-то возразит, что легко говорить о нравственных категориях, будучи гуманитарием. Дескать, Ахмет Байтурсынов был лингвистом, тюркологом и поэтом, Жусупбек Аймауытов был педагогом, литературоведом, драма-

тургом, Мыржакып Дулатов и Магжан Жумабаев – в большей степени поэтами и писателями. На что надо привести пример, уже упоминавшегося Алихана Букейханова, окончившего в 1894 году Санкт-Петербургский Лесной институт и получившего звание «ученого-лесоведа второго разряда» [12, с. 51].

Личность Алихана Букейханова ярко демонстрирует проявление концепции Абая о целостном, разностороннем, универсальном человеке «толық адам». Букейханов, всю свою жизнь посвятивший служению казахскому народу, по интеллектуальному потенциалу мог составить конкуренцию видным представителям передовой российской интеллигенции того времени. Только особенность в том, что становление казахских интеллигентов волей истории происходило посредством межкультурного диалога. Будучи казахом, выходцем из Великой степи с ее своеобразным духовным миром, Букейханов и другие казахские интеллигенты, имея личностное духовное основание казаха, тюрка-кочевника, потомка Золотой Орды, всецело освоили общественно-политическую мысль Европы, прониклись европейской духовной культурой и системой ее ценностей. Межцивилизационная суть казахского интеллигента начала XX века способствовала всеобъемлюще планетарным категориям осмысления действительности. Универсальность личности Букейханова проявляется в том, что он и глава правительства Алаш-Орды, и публицист, общественный деятель, публикации которого посвящены анализу проблем имперского уровня политического, социального содержания, также ряд его трудов является ценнейшим источником по истории и этнографии казахов. Принцип гуманизма и совесть пронизывают его государственную, общественную и научную деятельность.

Также «технар» из казахских интеллигентов Мухамеджан Тынышпаев, известный как «инженер и историк». Он выпускник Императорского института инженеров путей сообщения имени Александра I в Петербурге. Его высшее техническое образование и самообразование оставили след на разнообразии его деятельности. Тынышпаев был депутатом Государственной Думы Российской империи, главой правительства Туркестанской (Кокандской) автономии, членом правительства Алаш-Орды, при советской власти помимо разных должностей по управлению хозяйством, талантливый инженер принимал участие в строительстве Туркестано-Сибирской магистрали. Он же автор важнейшего труда «Материалы к истории киргиз-казакского народа». Тынышпаевым была составлена в 1923 году программа курса по истории тюрко-монголов для студентов 3 курса Казахского института просвещения [13, с. 287-288].

Выпускник Томского технологического института, один из членов правительства Алаш-Орды Алимхан Ермаков был первым казахом профессором математики. В 1917 году в связи с Февральской революцией он прервал обучение на 5 курсе с целью принять активное участие в судьбоносных, решающих для Родины политических событиях. Вуз он закончил уже в 1923 году [14, с. 62]. Именно Ермаков выступил в Москве с докладом В.И. Ленину на тему: «О положении Киргизского края вообще, по вопросу о границе в особенности», тем самым отстаивая исконно казахские земли в составе Казахской АССР.

Таким образом, наука как система знаний об устройстве мира и жизни, о процессах и закономерностях развития должна руководствоваться нрав-

ственным разумом, совестью. Научная деятельность исследователя занимает определенную нишу в цепи поколений интеллектуалов. Жизнь и университет формируют личность ученого, открытия и публикации которого составляют кладезь духовного богатства нации. Моральная ответственность перед общественностью и историей за каждое слово, аргумент, каждую публикацию характеризует ученого согласно казахской этике.

***Личность К.И. Сатпаева
в контексте концепции Абая «толық адам»***

Как писал Ахмет Байтурсынов в 1913 году, в Акмолинской и Семипалатинской областях человек, который не знал имени великого Абая, вызывал удивление [15, с. 298]. Также, как он отметил, если даже Абая не видели своими глазами, узнавали о мыслителе от людей, которые его видели. Как не раз уже говорилось, поэзия и мысли Абая оказали влияние на становление лидеров движения Алаш («Алаштың алыптары Абайдың шапанынан шықты»). Видные деятели Алаша были физически уничтожены тоталитарным режимом, но память о них сохранили такие славные сыны казахской нации, как Мухтар Ауэзов, Алькей Маргулан, Ермухан Бекмаханов.

Не без духовного влияния идеи Алаш происходило личностное формирование выдающего ученого, основателя и первого президента Академии наук Казахской ССР Каныша Имантаевича Сатпаева. Его дядя Абиkey Зеинович Сатпаев был одним из деятельных участников Алаш-Орды, контактировавший непосредственно с Ахметом Байтурсыновым и Алиханом Букейхановым.

Особую роль в судьбе своего родственника сыграл Абиkey Сатпаев. Он преподавал в русско-киргизском училище в Павлодаре и настоял, чтобы в то время еще подростка Каныша Сатпаева отец отпустил учиться, взяв на себя полную ответственность за учащегося. В русско-киргизском училище вместе с молодым Сатпаевым учился будущий ученый, педагог, психолог, писатель и драматург, член партии Алаш Жусупбек Аймауытов. После окончания училища в 1914 году Каныш Сатпаев поступает в семипалатинскую учительскую семинарию, туда же пригласили преподавать Абиkey Сатпаева. И как оказалось, в Семипалатинск приехал энергичный, активный и творческий Жусупбек Аймауытов и поступил в это же учебное заведение. Уже в Семипалатинске Каныш Сатпаев и Мухтар Ауэзов стали большими друзьями [16, с. 50-60].

Тем самым заветы Абая и идея Алаш стали духовными основаниями в становлении личности будущего академика. И при изучении жизни и самоотверженной деятельности Каныша Сатпаева следует сказать, что это был человек большего интеллекта с широчайшим кругом научных интересов, с твердым деловым характером, при этом с очень доброй душой, с сострадательным, заботливым нравом и непомерной ответственностью. Образ ученого, представленный Абаем в 32 Слове, воплотился в личности Каныша Сатпаева.

Зачем человек идет в науку? Почему кто-либо решает заняться именно научной деятельностью? С какой целью присваиваются ученые степени и звания? Абай дает простой и исчерпывающий ответ: «...ты должен точно уяснить, для

чего тебе необходима наука. Не для обогащения или приобретения каких-нибудь мирских благ стремись к науке. Если ты страстно увлечен ею, то богатством для тебя явится каждое твое открытие, устранение самого незначительного пробела в твоих знаниях. Нет ничего ценнее такого приобретения. И не бывает на свете наслаждения выше того, которое ты испытал при этом» [8, с. 66].

Каньш Сатпаев на протяжении всей жизни был одержим жадной познания. Он вполне мог устроить свою в жизни с комфортом тех лет в родной степи, освоив грамоту и получив хоть какое-то образование, приумножить скот и добиваться почестей. Однако будущий академик, не взирая на трудности, выбрал для себя иной путь, поскольку его влекли неизведанные научные пространства. Не раз ему приходилось на некоторое время прерывать обучение, туберкулез во время учебы в учительской семинарии и Томском технологическом институте заставлял его возвращаться в родные края для оздоровления степным воздухом и кумысом. Но самообразование как постоянный и обязательный спутник настоящего ученого помогло успешно сдать все экзамены и продолжить обучение.

Научная стезя требует результатов, исследователь не может ограничиться чисто формальными публикациями и сугубо ораторским искусством для создания впечатления перед публикой с целью упиваться овациями не разбирающейся в проблемах исследовательского поля и попросту не вникающей в самую суть аудитории. Или же получение степени и звания для чисто материальной наживы и связей – такой настрой принесет колоссальный вред не только науке, но и моральному облику поколения. Как продолжает Абай, «Если твоя душа лежит к другим вещам и ты изучаешь науку ради достижения этих самых других интересов, то твое отношение к науке подобно отношению злой мачехи к пасынку» [8, с. 67].

Академику К. Сатпаеву был напрочь чужд конформизм, нравственные качества ученого обусловили его жизненную цель – создать максимум благ для казахского народа и государства. Вопреки непониманию и отрицанию перспективности Жезказганского медного месторождения сотрудниками ведомств, в юрисдикции которых находились геологические исследования, Сатпаев ни на минуту и не думал отступать, стучался во все двери и доказал в 1934 году перед наркомом тяжёлой промышленности СССР самим Серго Орджоникидзе важность исследования региона и создания там необходимой инфраструктуры, в 1938 году – перед Л.М. Кагановичем. Выделение государственных средств на геологическую разведку и исследования, расширения производства, строительство должно было полностью оправдаться, итоги и результаты должны всецело соответствовать предварительным прогнозам и планам. Сатпаев взял на себя полную ответственность, что является главной чертой ученого.

В Жезказгане находилась половина всех запасов меди СССР [16, с. 300]. Благодаря природному таланту, научным навыкам, профессионализму Сатпаев ясно представлял масштабы и перспективность Жезказгана. Вместе с расширением и увеличением производства меди в центральном Казахстане выковывались национальные технические кадры. Таким образом, в личности Сатпаева раскрывается следующий тезис Абая: «...стремись овладеть наукой для того, чтобы расширить свои познания и посвятить их благородным целям» [8, с. 67].

С началом Великой Отечественной войны для советской военной техники был чрезвычайно необходим марганец, так как крупное месторождение данного элемента уже находилось в зоне оккупации. И профессионализм Сатпаева оказался решающим. Он знал, что рудник Жезды содержит большие залежи марганца, экстренно нужные для победы. Благодаря усилиям академика рудник Жезды стал давать 70,9% всех марганцевых руд Советского Союза [16, с. 345]. Тем самым академик К.И. Сатпаев – это личность как республиканского, так и союзного масштаба.

В военные годы Сатпаев уже руководил казахским филиалом Академии наук СССР. В работе «Все богатства Казахстана – на нужды обороны Родины» (1943) академик отметил: «Более 80 практических предложений, направленных на скорейшее народнохозяйственное использование минеральных и других природных ресурсов Казахстана, дал КазФАН за полтора года Отечественной войны. Параллельно с актуализацией тематики работы и продуктивности их результатов за годы войны рос и консолидировался сам филиал» [17, с. 153].

Всем известно, что преобразование казахского филиала Академии наук в республиканскую Академию наук стало возможным только благодаря трудолюбию, ответственности, патриотизму, твердой позиции и смелости Каныша Сатпаева. Этот вопрос был выведен им на повестку еще в 1944 году с предложением открытия 11 новых институтов. В Москве совет филиалов и баз АН СССР счел эту инициативу авантюрой [16, с. 370]. Однако энтузиазм и уверенность Сатпаева способствовали согласию центра. Невзирая на трудности, была создана Академия наук Казахской ССР. И это позволило увеличить численность национальных научных кадров, докторов наук казахской национальности.

Феномен Сатпаева заключается как в природном таланте, трудолюбии, жажде познания, любви к науке, любви к Родине и, безусловно, в целеустремленном, волевом, твердом характере. Вспомним призыв Абая к ученым: «Крепи свой характер» [8, с. 68]. Как писал мыслитель, «...нужно быть стойким, нужно всегда сохранять твердость духа. Крепкий характер также немислим без воли, помогающей человеку добиваться поставленной цели и не позволяющей ему даже минутной слабости» [8, с. 69].

Становление национальных технических и научных кадров, создание в Казахстане собственной Академии наук позволяет рассматривать деятельность Сатпаева в контексте деколонизации. Нельзя забывать и о том, что он уделял большую значимость изучению истории и традиционной культуры казахов. Сатпаев является редактором выпуска в 1927 году и автором предисловия на казахском языке к народному сказанию «Ер Едіге». Данное предисловие было переведено на русский язык в 1951 году [18, с. 258].

Завистники, интриганы не могли стерпеть славы и почета Сатпаева, вследствие этого, полились клеветы и доносы. В 1951 году соответствующие органы предъявляли ему в качестве обвинения ряд пунктов, среди которых, «сокрытие социального происхождения при вступлении в партию», выпуск в 1927 году под его редакцией и с предисловием уже упомянутого народного сказания, прием на работу в Академию наук Казахской ССР «чуждых элементов» [16, с. 440]. Поскольку он не признал выпуск казахского эпоса ошибочным,

увольнять ученых категорически отказался, в связи с этим сам Сатпаев и оказался перед лицом тоталитарной машины. Пытаясь отстоять научные кадры, талант и профессионализм которых приносил только пользу казахстанской науке, он был освобожден от должности главы Академии наук КазССР.

Как известно, период с конца 1940-х и до смерти И.В. Сталина в марте 1953 года запоминается репрессивной травлей историка Ермухана Бекмаханова, филолога Есмагамбета Исмаилова, Хажима Жумалиева, нападениями на Алькея Маргулана, на музыковеда Ахмета Жубанова, преследованием и увольнением Мухтара Ауэзова, Бейсенбая Кенжебаева. Тоталитарный режим с немыслимо жесточайшей яростью обрушился на тех, кто глубоко исследовал национальную историю, литературу, фольклор.

Справедливость восторжествовала после смерти Сталина. В 1955 году Сатпаев был вновь избран президентом Академии наук Казахской ССР. Пережить трудные, напряжённые периоды ему помогали стойкость, твердость характера и вера в правду. Как говорил сам Сатпаев, «Я верил в правду, считая, что правда всегда победит!» [16, с. 459]. И в этом также подтверждается следующее напутствие Абая ученым: «... достигнув истины, не отступай от нее даже под угрозой смерти. Кому нужны твои знания, если они не покорили, не захватили всецело тебя самого? Какой прок от истины, если ты сам не предан ей?» [8, с. 68].

Статус ученого налагает как профессионализм, так и совесть, служение нравственным идеалам. Цель деятельности ученого заключается в создании благ для улучшения жизни народа, его просвещения. Концепция Абая «толық адам» проявилась в деятелях Алаша, и Сатпаев был их преемником и продолжателем их идеи. Понятие ученого в контексте концепции «толық адам» в нашем нынешнем постколониальном состоянии является весьма значимым в становлении научных кадров.

Заключение

На основе рассмотрения образа ученого в казахской этике вырисовывается разносторонне мыслящая личность с высокими профессиональными компетенциями и научными навыками. Единство «хорошего нрава и силы ума» аль-Фараби, подчиненность интеллекта сердцу согласно воззрениям Абая, «высшая нравственность» Алихана Букейханова, наука совести Шакарима Кудайбердиева являются неотъемлемыми компонентами личностного становления ученого.

Тем самым видится, что чрезвычайно важно полноценное, серьезное изучение, помимо базовых и профилирующих дисциплин, и таких общеобразовательных дисциплин, как «История Казахстана», «Философия», «Культурология», «Политология» и т.д. в отечественных вузах.

Представляется значимым рассмотрение сущности научного знания в тюрко-мусульманском (казахском) дискурсе в рамках дисциплины «История и философия науки» для магистрантов.

Весьма желательна разработка единого республиканского Кодекса этики ученого (исследователя) и Устава этических комитетов при вузах и научных институтах, центрах.

Список литературы

- 1 Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Малое собрание сочинений / пер. с нем. Ю. Антоновского, В. Вейнштока, А. Заболоцкой и др. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. – С. 555-726.
- 2 Бисенова А. О «нашей» постколониальности (вместо введения) // Qazaqstan, Казахстан, قازاقستان: Лабиринты современного постколониального дискурса / под ред. А. Бисеновой. – Алматы: Центр современной культуры «Целинный», 2023. – С. 9-36.
- 3 Аль-Фараби, Абу Наср Мухаммад. Указание пути к счастью // Социально-этические трактаты / пер. с арабского. – Алма-Ата: «Наука», 1973. – С. 1-44.
- 4 Жумабаев М. Пророк. Стихи, поэмы, рассказ / Перевод с казахского. / Комментарии Б. Канапьянова. – Астана: Аударма, 2010. – 368 с.
- 5 Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии. По собственным наблюдениям и достоверным источникам // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Том 2. Издание второе. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. – С. 231-517.
- 6 Гаспринский И. Французские письма // Полное собрание сочинений Исмаила Гаспринского. Т. I. – Симферополь: ООО ФОРМА, 2016. – С. 19-133.
- 7 Байтұрсынов А. Қазақша оқу жайынан // Ақ жол: Өлеңдер мен тәржімелер, публ. мақалалар және әдеби зерттеу / Құраст. Р. Нұрғалиев. – Алматы: Жалын, 1991. – 252-253 бб.
- 8 Абай. Слова назидания. – Алматы: «Өнер», 2006. – 136 с.
- 9 Кунанбаев А. Масғұд (перев. А. Глоба) // Стихотворения, поэмы, проза / Перевод с казахского. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1954. – С. 297-302.
- 10 Букейхан А.Н. Не желай и не делай другимъ того, чего не себе желаешь // Полное собрание сочинений в 7 томах. Т. 1. – Астана: «Сарыарқа», БҮ, 2009. – С. 283-284.
- 11 Есим Г. Наука совести. – Алматы: Раритет, 2008. – 480 с.
- 12 Козодой В.И. Алихан Букейханов: человек – эпоха. – Новосибирск, 2021. – 312 с.
- 13 Тынышпаев М. Политические выступления, научные труды, документы. – Алматы: «Қазақстан», 2009. – 312 с.
- 14 Өскембаев Қ.С. Әлімхан Ермеков: Тұлға тағылымы. – Қарағанды: «Арқо» баспасы, 2013. – 340 б.
- 15 Байтұрсынов А. Қазақтың бас ақыны // Шығармалары: Өлеңдер, аудармалар, зерттеулер / Құраст. Шәріпов Ә., Дәуітов С. – Алматы: Жазушы, 1989. – 298-304 бб.
- 16 Сарсеке М. Сатпаев / Пер. сказ. С. Плеханова и авт. – 2-е изд., доп. – М.: Мол. гвардия, 2003. – 548 с.
- 17 Сатпаев К.И. Все богатства Казахстана – на нужды обороны Родины // Избранное. В 5-ти т. Т. 5: Научно-популярные и общественно-политические статьи, выступления / Сост. М.К. Сатпаева. – 2-е изд., сокр. – Шымкент: «Онтүстік полиграфия», 2007. – С. 153-158.
- 18 Сатпаев К.И. Предисловие к народному сказанию Ер Едиге // Избранное. В 5-ти т. Т. 5: Научно-популярные и общественно-политические статьи, выступления / Сост. М.К. Сатпаева. – 2-е изд., сокр. – Шымкент: «Онтүстік полиграфия», 2007. – С.258-266.

Transliteration

- 1 Nitsche F. Po tustoronu dobra izla [Beyond Good and Evil] // Maloye sobraniye sochineniy / per. s nem. YU. Antonovskogo, V. Veynshtoka, A. Zabolotskoyi dr. – SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2017. – S. 555-726.
- 2 Bisenova A. O «nashey» postkolonial'nosti (vmestovvedeniya) [About «our» Post-coloniality (Instead of an Introduction)] // Qazaqstan, Kazakhstan, قازاقستان: Labirynty sovremennogo postkolonial'nogo diskursa/ pod red. A. Bisenovoy. – Almaty: Tsentr sovremennoy kul'tury «Tselinnyy», 2023. – S. 10-36.
- 3 Al'-Farabi, Abu Nasr Mukhammad. Ukazaniyeputi k schast'yu [Pointing the way to Happiness] // Sotsial'no-eticheskiye traktaty / per. s arabskogo. – Alma-Ata: «Nauka», 1973. – S. 1-44.
- 4 Zhumabayev M. Prorok. Stikhi, poetry, rasskaz [Prophet. Poems, Poems, Story] / Perevod s kazakhskogo / kommentarii B. Kanap'yanova. – Astana: Audarma, 2010. – 368 s.
- 5 Engel's F. Polozheniye rabocheho klassa v Anglii. Po sobstvennym nablyudeniya i dostovernym istochnikam [Condition of the Working class in England. According to my own Observations and Reliable Sources] // K. Marks i F. Engel's. Sochineniya. Tom 2. Izdaniye vtoroye. – M.: Gosudarstvennoye izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1955. – S. 231-517.

6 Gasprinskiy I. Frantsuzskiy pis'ma [French Letters] // Polnoye sobraniye sochineniy Ismaila Gasprinskogo. T. I. – Simferopol': OOO FORMA, 2016. – S. 19-133.

7 Baytursinov A. Qazaqşa oqw jayınan [About Kazakh Education]// Aqjol: öleñder men tärbieleñ, basılıñ. Maqalalar jäñe ädebiezertew / Qurast. Nurğaliev R. – Almatı: Jalın, 1991. – 252-253 bb.

8 Abay. Slovanazidaniya [Words of Edification]. – Almaty: «Öner», 2006. – 136 s.

9 Kunanbayev A. Masgud [Masgud] (perev. A. Globa) // Stikhotvoreniya, poemy, proza / Perevod s kazakhskogo. – M.: Gosudarstvennoyeizdatel'stvokhudozhestvennoy literatury, 1954. – S. 297-302.

10 Bukeykhan A.N. Ne zhelayi ne delay drugim»togo, chego ne sebezhelayesh» [Do not Wish or do to Others what you do Not Wish for Yourself] // Polnoye sobraniye sochineniy v 7 tomakh. T. 1. – Astana: «Saryark a», BÜ, 2009. – S. 283-284.

11 Yesim G. Nauka sovesti [Science of Conscience]. – Almaty: Raritet, 2008. – 480 s.

12 Kozodoy V.I. Alikhan Bukeykhanov: chelovek – epokha [Alikhan Bukeikhanov: the Man is the Era]. – Novosibirsk, 2021. – 312 s.

13 Tynyshpayev M. Politicheskiye vystupleniya, nauchnyye trudy, dokumenty [Political Speeches, Scientific Papers, Documents]. – Almaty: «Kazakstan», 2009. – 312 s.

14 Öskembaev Q.S. Alimhan Yermekov: Tulğatağılımı [Alimhan Yermekov: Personality Formation]. – Qarağandı: «Arko» baspası, 2013. – 340 b.

15 Baytursinov A. Qazaqtıñ bas aqını [Chief Kazakh Poet] // Şığarmalar: Öender, awdarmalar, zertewler / Qurast. Şarıpov Ä., Däwıtoy S.- Almatı: Jazwşı, 1989. – 298-304 bb.

16 Sarseke M. Satpayev [Satbayev] / Per. s kaz. S. Plekhanovaiavt. – 2-ye izd., dop. – M.: Mol. gvardiya, 2003. – 548 s.

17 Satpayev K.I. Vsebogatstva Kazakhstana – na nuzhdy oborony Rodiny [All the Wealth of Kazakhstan is for the Needs of the Defense of the Motherland] // Izbrannoye. V 5-ti t.r. T. 5: Nauchno-populyarnyye i obshchestvenno-politicheskiye stat'i, vystupleniya / Sost. M.K. Satpayeva. – 2-ye izd., sokr. – Shymkent: «Öntüstik poligrafıya», 2007. – S. 153-158.

18 Satpayev K.I. Predisloviye k narodnomu skazaniyu Yer Yedige [Introduction to the Folk tale Yer Edige] // Izbrannoye. V 5-ti t.r. T. 5: Nauchno-populyarnyye i obshchestvenno-politicheskiye stat'i, vystupleniya / Sost. M.K. Satpayeva. – 2-ye izd., sokr. – Shymkent: «Öntüstik poligrafıya», 2007. – S. 258-266.

Азербайев А.Д., Карибайев О. Қазақ этикасындағы ғалымның бейнесі

Андамна. Бұл мақалада «Ғалым қандай болуы керек?» сұрағы қарастырылды. Қазақ этикалық ойы ғалым бейнесінің негізгі ерекшеліктерін анықтайды. Әл-Фарабидің «адамгершілік пен ақыл күшінің» бірлігі, Абайдың көзқарасы бойынша интеллекттің жүрекке бағынуы, Әлихан Бөкейхановтың «жоғары адамгершілігі», Шәкәрім Құдайбердиевтің ар-ождан ғылымы ғалымның адамгершілік (ізгілік) бейнесін қалыптастырады. Абайдың «толық адам» тұжырымдамасы ғалым тұлғасының қалыптасуының этикалық негізін құрайтын Алаш қозғалысының қайраткерлері мен олардың ізбасары Қаныш Сәтбайевтан көрінеді.

Түйін сөздер: ғалым, ғылым, ағарту, ар-ождан, адамгершілік, білім.

Azerbayev A., Karibayev O. Personality of Scientist in Kazakh Ethics

Abstract. In this article the question is considered: «What should be a scientist?». Kazakh ethical thought reveals the main features of personality of scientist. There was the unity of al-Farabi's «good character and strength of mind», the subordination of intellect to heart according to Abai's views, «higher morality» of Alikhan Bukeikhanov, science of conscience of Shakarim Kudaiberdiev. These concepts form moral character of scientist. Abai's concept «tolyq adam» is the ethical basis for formation of personality of scientist. It manifested in the personalities of Alash movement and their successor Kanysh Satbayev.

Keywords: scientist, science, enlightenment, conscience, morality, education.